

Мария Магдалена Калиневич

О некоторых французских заимствованиях в русском и сербохорватском языках

Studia Rossica Posnaniensia 9, 115-122

1977

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

МАРИЯ МАГДАЛЕНА КАЛИНЕВИЧ

Познань

О НЕКОТОРЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ И СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

Луи Дерой¹, исследуя заимствования заметил, что французская литература всегда восхищала иностранцев; литература XII и XIII вв. восхищала своей оригинальностью, литература XVII в. привлекала совершенством формы, а литература XVIII в. — идеями, поэтому нет ни одного языка великих цивилизаций, на который не оказал бы влияния французский язык. Ничего удивительного, что во всех славянских языках, а в том числе русском и сербохорватском мы находим довольно большое количество слов, заимствованных из французского, даже несмотря на то, что судьбы этих языков были крайне разными.

Известно, что, между прочим, французские заимствования составляют основную группу слов, которые образуют в русском языке подсистему, реализовавшуюся словами с фонетическими „странностями“. Нам бы хотелось обратить ваше внимание на особую группу слов, заимствованных из этого языка, слов, которые характеризуются не только фонетическими „странностями“, но и морфологическими особенностями, на так называемые несклоняемые существительные.

Первой чертой, объединяющей упомянутые слова, является факт, что они пришли в русский язык, преимущественно, в XIX в. (за исключением желе и купе, относимых Смирновым² к эпохе Петра I, и манто, пари, рагу, филе, трюмо, су, жабо, депо, впервые отмеченных в словаре Яновского 1804 г.).

Во-вторых, все они — типичные представители фонетических заимствований.

В-третьих, их основа в языке-источнике кончалась гласным (в большинстве

¹ L. Derooy, *L'emprunt linguistique*, Liège 1956.

² Н. А. Смирнов, *Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху*, „Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук“ 1910, т. 88, № 2.

случаев это находило свое отражение и в французской графике: *attaché, plissé, menu, landeau, exposé...*).

Заимствование этих слов лицами, владеющими французским языком, привело к довольно точной передаче их французского фонетического облика, а это в свою очередь, нашло отражение в указанной выше подсистеме, а также препятствовало их полной морфологической ассимиляции.

Трудности начинались уже при определении категории рода этих „странных” заимствований. Конечно, отнесение к мужскому или женскому роду одушевленных существительных отвечает противопоставлению родовых значений, характеризующих все одушевленные существительные. Это и есть те единичные примеры, где категория рода в русском языке совпадает с категорией рода, которая их характеризовала в языке-источнике:

| | | |
|-----------------------|---|--------------------------|
| крупье, нескл., м.р. | — | <i>croupier</i> , n. m. |
| Пьеро, нескл., м.р. | — | <i>Pierrot</i> , n. m. |
| рантье, нескл., м.р. | — | <i>rentier</i> , n. m. |
| шевалье, нескл., м.р. | — | <i>chevalier</i> , n. m. |
| парвеню, нескл., м.р. | — | <i>parvenu</i> , n. m. |
| комми, нескл., м.р. | — | <i>commis</i> , n. m. |
| кюре, нескл., м.р. | — | <i>curé</i> , n. m. |
| буржуа, нескл., м.р. | — | <i>bourgeois</i> , n. m. |
| мадам, нескл., ж.р. | — | <i>madame</i> , n. f. |
| инженю, нескл., ж.р. | — | <i>ingénue</i> , n. f. |
| протеже, нескл., ж.р. | — | <i>protégé</i> , n. f. |

О сохранении родовой принадлежности можем говорить и у нескольких заимствований, обозначающих неодушевленные существительные, а именно: сабо, нескл., м.р. — *sabot*, n. m.

Если взять во внимание конечное *o* в основе, оно должно было бы вместе с другими, такими как: бюро, депо, трюмо, домино стать существительным среднего рода, но, быть может, подействовала семантическая связь со словом башмак — существительным мужского рода — и сабо, как и башмак, принадлежит к мужскому роду.

Так же бри, нескл., м.р. — *Brie*, n. m. ассоциируется с сыр — существительным мужского рода, и, возможно, это есть причина по которой оно получило категорию мужского рода.

Но как объяснить, что французское слово *écu* со значением „золотая или серебряная монета”, пришедшее в русский язык в форме экю, не переменяло, вместе с меню, фишко, рода с мужского во французском на средний в русском?

Все остальные существительные, принадлежавшие к анализируемой группе заимствований, в русском языке приобрели категорию среднего рода. Конечно, все должны были обязательно переменить свой род по сравнению с языком-источником, в котором нет этой категории.

Исконные слова среднего рода имеют основы, оканчивающиеся на твердый согласный, мягкий согласный с флексиями *-o*, (орфогр. *-o*, *-ё*), *-e* (орфогр. *-e*) или же *-a* (орфогр. *-я*) в словах типа *бремя*, *имя*. Заимствованные — отличаются основами с конечным гласным и это первое и очень существенное препятствие на пути к их усвоению, а также во многих случаях, свидетельствует об их устном заимствовании, поскольку при письменном — графические знаки на конце слов переходят в русский язык в виде фонем (напр. *cabinet* «*kabine*» — кабинет, ср. *sachet* «*saʃε*» — саше) и позволяют данным существительным приобщаться к мужскому роду. Итак, слова, которые пришли в русский язык с такими основами должны были изменить свой облик или же остаться чуждыми русской морфологической системе.

Морфологическая адаптация указанных заимствований могла происходить, напр., следующим образом: конечные гласные основы *-e*, *-o*, *-a* могли восприниматься как окончания, по образцу исконных слов (как это имело место при заимствовании слов *téséda* — резеда, резеды, ж.р., *taffetas* — тафта, тафты ж.р., или же *pougat* — нуга, нуги, мн. нет. ж.р., которое сначала также принадлежало к несклоняемым). Эта тенденция наблюдается в просторечии, где слова пальто или трюмо склоняются и на этом основании можно прийти к выводу, что процесс адаптации заимствованных слов в русском языке еще не закончился. По какому пути пойдет переобразование заимствований с основой на *-y*, *-и*?

Пока можем сказать, что именно слабая морфологическая ассимиляция данной группы заимствованных слов является главной причиной их принадлежности к самой малопродуктивной категории рода, но тем не менее они не лишены грамматической оформленности и особым образом освоены грамматикой русского языка, ведь, кроме категории рода, они обладают категориями числа и падежа, которые характеризуются омонимичностью словоформ в парадигме. Напр.:

| | |
|-----------------|-----------------|
| па — pas | реле — relais |
| бра — bras | шасси — châssis |
| жабо — jabot | рагу — ragoût |
| метро — métro | су — sou |
| панно — panneau | фишю — fichu |
| бюро — bureau | меню — menu. |
| плиссе — plissé | |

В лексике иного славянского языка — сербохорватского находим также довольно представительную группу французских заимствований, а среди них и те, которые в русском стали так называемыми несклоняемыми существительными³.

³ Здесь будут рассматриваться и такие слова как напр.: *béret* — с-х бере (в рус. берет), *lavabo* — с-х лавабо (в рус. нет).

Интересны сопоставления вхождения данных заимствованных имен существительных в морфологические системы русского и сербохорватского языков.

Так же, как и в русском, эти заимствованные слова появились в сербохорватском не раньше XIX в. Об этом свидетельствует их отсутствие в словаре Вука Караџића от 1818 г.⁴, а ведь автор первого словаря сербского языка весьма рассудительно относился к иностранным словам и во вступлении писал: „Данас нема на овоме свијету ниједног језика (ни старога ни новога), у коме нема туђи ријечи али зато ја туђи ријечи не браним, него и ја кажем, да се треба трудити и чистити језик од туђи ријечи ако се може, али што се не може не треба за оно мрзити на језик” (стр. XX).

Как и в русском, они представляют собой тип фонетических заимствований и, конечно, в языке-источнике характеризовались основой с конечным гласным.

Французские заимствования такого типа нашли в обоих языках — русском и сербохорватском — аналогичные условия, поскольку как раз системы имени существительного в этих языках очень похожи друг на друга (в отличие например от системы глагола). И в сербохорватском исконные существительные относятся к 3 родам: мужскому, женскому и среднему. К этому первому принадлежат существительные с основой на согласный или же с флексией на *-a*, типа: слуга, судија. К женскому — с флексией *-a*, а также с суффиксом *-ост* (стáрост, млáдост) или же немногочисленные слова с основой на согласный, напр.: ствáр, кóст, лáж, пéћ, которые отвечают русским существительным женского рода III склонения. Средний род — это слова на *-e*, *-o*.

Парадигма сербохорватского имени существительного состоит из семи падежей (шесть как в русском плюс звательный), а категория числа из единственного и множественного.

Оказывается, что французские заимствования рассматриваемого типа и в сербохорватском языке с трудом поддавались усвоению, что и в этом языке они являются источником всякого рода „странностей”.

Как уже было сказано, это были фонетические заимствования с основой на гласный, а как вытекает из очень бегло представленной нами характеристики сербохорватского имени существительного, нет представителей исконных слов мужского или женского рода с такой же основой.

Известно, что в русском языке заимствования такого типа становились существительными среднего рода. В сербохорватский они проникали вместе с категорией рода, которую они имели в языке-источнике, а, как помним, в подавляющем большинстве это были французские существительные мужского рода. Немногочисленные слова женского рода с основой на гласный в сербохорватском стали существительными мужского рода с такой же осно-

⁴ В. С. Караџић, *Српски рјечник*, Беч 1818.

вой напр.: *gelée* n. f. — *жѐлѐ* м.р., *renommée* n. f. — *ренѐмѐ* м.р. или же как *revue* n. f. — получили форму *рѐвија* (и *рѐвија*) т.е. не перешли в категорию мужского рода, но перестали быть существительными с основой на гласный. Еще в новейшем словаре⁵ встречаются дублетные формы как: *matinée* n. f. — *матинѐ* м.р. и *матинеја* ж.р., которые свидетельствуют о не законченном процессе ассимиляции французских заимствований в сербохорватском языке.

Нет заимствований из французского языка с основой на гласный, которые были бы, как в русском, существительными среднего рода, так как у французских заимствований рассматриваемого типа в сербохорватском наблюдается тенденция к сохранению категории рода, а такой категории нет во французском языке. Итак:

attaché n. m. — *аташѐ*, м.р.
coupé n. m. — *купѐ*, м.р.
ragoût n. m. — *рагѹ*, м.р.
bureau n. m. — *бѹрѐ*, м.р.
croquis n. m. — *крѐки*, м.р.

но:

renommée n. f. — *ренѐмѐ*, м.р.

Быть может, приобщение заимствованных из французского существительных с основой на гласный к мужскому, а не, как в русском, среднему роду сербохорватский язык обязан таким исконным словам как *ѐрао*, *сѐкѐ*, *пѐтао*, *ѹгао*, *дѐ*, *пѐсао*, *вѐ*. Эти существительные мужского рода действительно в именительном падеже единственного числа имеют нулевое окончание и основу на гласный, но этот гласный является результатом, происшедшего в сербохорватском чередования *о : ѐ* и исчезает в косвенных падежах. Однако такие слова могли быть потенциальными моделями для морфологического оформления французских слов на гласный. Такие модели можно искать еще и в диалектах, где иногда в произношении выпадает согласный *х* и в конце слова напр. в *гре(х)*, т.е. опять появляется исконное существительное с основой на гласный.

Таким образом, заимствования из французского языка с основой на гласный вошли в категорию мужского рода наряду с существительным с основой на согласный. Но ведь в сербохорватском языке нет особой парадигмы для существительных мужского рода на гласный, нет и несклоняемых существительных мужского рода, поэтому заимствованные из французского существительные с нетипичной основой попали в одну парадигму с другими существительными мужского рода, в результате чего появились следующие формы косвенных падежей:

⁵ *Речник српскохрватског књижевног језика*, Нови Сад—Загреб 1969, кн. III.

И. биро
 Р. бироа
 Д. бироу
 В. биро
 Зв. бирое
 Т. бироом
 П. бироу

Итак, заимствованные из французского существительные с основой на гласный стали в сербохорватском склоняться, несмотря даже на появляющееся на стыке основы и флексии зияние.

В исконных словах в сербохорватском зияние появляется редко: в единичных случаях на префиксальном шве напр.: наука, заоштрити, 'наоколо, или же в упомянутых выше словах таких как: угао, орао, прилагательных мужского рода типа: бео, зао, цео, причастиях действительного залога прошедшего времени: дао, био, дошао. В последних примерах конечное *o* является результатом чередования *o : l* и в косвенных падежах существительного исчезает, на такой же основе на какой появляется в косвенных падежах некоторых существительных на *-лац*: кудилац, кудиоца, кудиоцу, но: Д. мн. ч. кудилаца̄, ср. угао, угла. Такого же типа чередование выступает в прилагательных типа бео, но: бела, белу (женский род бела, средний бело) и в причастиях дао, но: дала, дало, дошао, но дошла, дошло.

Характерно, что во многих диалектах наблюдается тенденция к устранению зияния путем контракции: чувао — чувб, брао — брб, посао — посб, катао — котб, а в Дубровнике и в его окрестностях имеем и дао — дб, звào — звб, жào — жб⁶. Есть случаи когда зияние выступает на письме а в произношении оно ликвидируется, даже в литературном языке. Это бывает тогда, когда первым из двух гласных является *-и*, напр: йоле, [ijole], носио [nosijo]. Такой способ устранения зияния нашел отражение при вхождении в парадигматические отношения заимствований типа менӣ, менија, и крокй̄, крокија.

Как легко заметить, сочетание двух гласных не является характерным для дистрибуции гласных в сербохорватском языке, а среди приведенных нами примеров не было ни одного, в котором зияние выступило бы на стыке основы и флексии — как это имеет место у наших заимствований.

Согласный *x* в сербохорватском языке отличается очень слабой артикуляцией, а в произношении большинства сербов и хорватов выпадает вообще. Даже Вук Караџић в первом издании своего словаря в 1818 г. и первой грамматике (1814) обходит его молчанием, согласно своему фонетическому принципу „пиши како говориш и говори како пишеш”, а поскольку не говорят ...

⁶ I. Brabeč, M. Hraste, S. Živković, *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb 1958.

Только в издании словаря 1836 г. Караѣић вводит из герцеговинского диалекта согласный *x* в литературный язык на том месте, где он обоснован этимологически. Однако, именно в предисловии к словарю 1818 г. на стр. XXXVII находим интересное, с точки зрения анализируемых заимствований, склонение существительного ора(х). Оно приводится Караѣићем как пример парадигмы существительных мужского рода:

| | |
|-----------|------------|
| И. ора | И. ораси |
| Р. ораа | Р. ораа |
| Д. орау | Д. орасима |
| В. ора | В. орае |
| Зв. ораше | Зв. ораси |
| Т. ораом | Т. орасима |
| П. орау | П. орасима |

Можно предположить, что заимствованные из французского языка существительные мужского рода с основой на гласный потому получили категорию падежа, что нашли потенциальные образцы словоизменения в парадигме исконных существительных в диалектах, в которых выступает чередование *x : ѿ*, и в результате зияние на стыке основы и флексии:

| | |
|-------------|----------------|
| биро, бироа | |
| купе, купеа | ср. ора, ораа. |

Если сопоставить результаты усвоения рассматриваемых заимствований грамматическими системами русского и сербохорватского языков, то окажется, что одни и те же французские слова в двух родственных славянских языках ассимилировались совершенно по-разному.

В русском языке заимствования с основами на гласный очень вяло поддавались морфологической адаптации. Их парадигма состоит из омонимических словоформ т.е. она лишена оппозиции именительного падежа и косвенных падежей, которые несут значение отношения. Все они принадлежат к самой малопродуктивной категории рода — к среднему роду.

В сербохорватском же рассматриваемые заимствования полностью ассимилировались в морфологическом отношении. Они стали существительными мужского рода и подчинились правилам 1 склонения, что привело к образованию форм, в которых действуют дистрибуционные правила системы, образованной заимствованной лексикой, между прочим из французского языка.

Такая же дистрибуционная подсистема образовалась и в русском языке, но в нем новые сочетания гласных как будто „даны” языком-источником и выступают лишь в заимствованных основах, а не как в сербохорватском образованы в самом заимствующем языке, когда заимствованные из французского основы на гласный подчинялись правилам морфологической системы сербохорватского языка.

ON SOME FRENCH BORROWINGS IN THE RUSSIAN AND SERBO-CROATIAN
LANGUAGES

by

MARIA MAGDALENA KALINIEWICZ

Summary

In the present article there are examined the words borrowed from the French language (mainly in the 19th century) which in the Russian language are characterized by the theme ended in a vowel. These words whose structure is not typical for the Russian language occurred in the major part as the nouns of the neuter gender and belong to so called undeclinable nouns, i.e. they were adapted by the Russian morphological system in a specific way.

On the other hand, the analogical French borrowings which enter the Serbo-Croatian language, in which like in Russian — there are no native words with the theme which would have a vowel (and this is the form of French borrowings also in the Serbo-Croatian language) were fully adapted to the Serbo-Croatian morphological system: they are in masculine gender and are declined as the native nouns belonging to the first declension. Morphological adaptation of the French borrowings investigated led to the appearance, in the Serbo-Croatian language, of the forms in which there are acting other principles of distribution, characteristic of the sub-system, created by the borrowings, among other things from the French language, e.g. hiatus on the limit of the theme and the ending in the oblique case, and the like.